

Т. А. Зимина

АВТОХТОНЫ ШРИ ЛАНКИ: ЛУК, СТРЕЛЫ И ТОПОРИК В ЛЕСНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Предметный мир традиционной культуры являет собой в основном материальную составляющую жизни этноса, которая, как известно, тесно переплетается с его духовной и социальной структурами. Каждый предмет обладает информационным полем, и одна из задач исследователя — собрать как можно больше сведений о жизни вещи в культуре и быту, о связи ее с другими предметами и элементами традиции. Нередко информация, сопровождающая конкретный предмет, дает возможность увидеть и рассмотреть явления, не замеченные сразу.

К важнейшим предметам традиционной культуры веддов относятся лук и стрелы, а еще топорик. Лук и стрелы практически всегда рассматриваются лишь как основное орудие охоты в джунглях, топорик — как необходимый инструмент при охоте и сборе дикого меда. В предлагаемой работе эти предметы представлены как явление в контексте жизни лесного народа Шри Ланки. Имея в виду подобную цель, необходимо дать характеристику внешних параметров указанных орудий, определить область их назначения и применения, время функционирования и бытования, значение. В качестве основных источников используются труды о веддах, относящиеся к первой половине XX в. [Seligmann 1911; Spittel 1927], фотоматериалы того же времени, а также некоторые современные материалы и среди них прежде всего полученные для нас в ходе поездки корреспондента в Шри Ланку в 2012 г.

Рассмотрим сначала лук и стрелы — главное оружие охоты, основного занятия веддов, которое нередко выступает как маркирующий признак данного этнического образования. Следует отметить, что единственный предмет, хранящийся в МАЭ и характеризующий культуру веддов — это лук, вернее, древко лука. Он был привезен известным ученым-востоковедом И.П. Минаевым из экспедиции 1874–1877 гг. К веддскому луку прилагались и стрелы. Однако со временем стрелы затерялись, а лук без тетивы сейчас хранится

в Кунсткамере и зарегистрирован в коллекции 813. Согласно описи, древко лука изготовлено из плотного, очищенного от коры дерева темного цвета, слегка изогнутое, к концам заострено. На древке имеется несколько узловатых утолщений со следами сучков. Длина древка 173 см.

Этот лук вполне соответствует параметрам традиционных луков веддов, известных нам по письменным и фотографическим источникам конца XIX — середины XX в. Обычный лук охотника (*mala leeya*), как правило, достигал в длину 170 см и изготавливался из определенного дерева — *махаканала-гала* или *кобавела*. Эта древесина использовалась потому, что изделия из нее после высушивания обладали таким важным качеством для постоянно двигающегося в лесу и выслеживающего животного человека, как легкий вес. При заготовке дерева в лесу подбирали прямые ветви, которые сначала очищали от коры и сучьев. Затем очищенные ветви просушивали над костром, при этом будущее древко лука держали над огнем в изогнутом виде, чтобы придать ему необходимую форму. Ведды размеры лука определяли следующим образом: он должен быть немного выше роста человека, для которого предназначен, а его толщина в самой широкой центральной части была сопоставима с охватом запястья руки маленького ребенка. Тетиву обычно делали из внутренней оболочки коры дерева *аралу-вел* [Spittel 1927: 178] и прикрепляли к заостренным концам древка. Чтобы тетива не скользила, на концы (*кибетти*) предварительно наматывали полосы коры в 2–3 слоя. При хранении в домашней обстановке тетиву с древка лука спускали.

Длина стрел (*moriyan Kachcha*) для луков могла колебаться в интервале от 95 до 105 см. С точки зрения веддов длина стрелы должна была равняться размеру вытянутой руки взрослого человека (мужчины) от плеча до кончиков пальцев. Делали их только из дерева *дхеревавелат*, которое в высушенном виде также отличалось легкостью — свойством, необходимым и для стрел. Древесину для стрел заготавливали таким же образом, как и для лука. В расщелины квадратной или прямоугольной формы, неравномерно вырезанные на противоположной наконечнику стороне стрелы, вставляли перышки из крыльев совы, реже лесного петуха или крупного журавля. Позднее оперенье стали привязывать растительными волокнами.

Наконечник прикрепляли к древку стрелы при помощи обработанных сухожилий животных.

Согласно археологическим изысканиям стрелы обитателей Ланки периода мезолита, считающихся предками современных веддов, производились из твердых и острых щепок бамбука, а также из кварцевого камня. Особенностью стрел той эпохи были наконечники, тщательно обработанные с обеих поверхностей отжимной ретушью [Борисковский 1971: 122]. После заселения острова индоариями и дравидами предки современных веддов стали использовать для стрел железные наконечники. В середине XVII в. на отличительные черты стрел веддов указывал известный пленник сингалов англичанин Роберт Нокс: «Стрелы, которыми они пользуются, отличаются от всех других, а Сингалы таких не употребляют» [Нокс 2007: 113]. Согласно его же сообщениям, ведды получали железные наконечники для стрел у сингалов в результате обмена на продукты, добытые в лесу, — мясо, мед. Процесс заказа Р. Нокс описывал так: «Самые дикие из них (веддов), когда хотят получить Стрелы, приносят ночью груды Мяса и подвешивают к дому Кузнеца, а также и Древесный Лист, вырезанный в той форме, какой они хотят иметь (наконечники) Стрелы» [Нокс 2007: 110]. Нередко ведды сами дорабатывали наконечники. Прежде чем крепить полученные от сингалов наконечники к стрелам, они дополнительным оттачиванием или шлифованием стремились придать им другую форму, схожую, по-видимому, с формой бамбуковых наконечников. Немецкий натуралист У. Макош видел в музее доктора Р. Шпиттеля «примитивные стрелы с зазубренными наконечниками» [Макош 1974: 46].

При охоте лук и стрелы были главным оружием ведды-охотника. С их помощью охотились на животных, обитавших в джунглях, чье мясо употребляли в пищу или использовали в качестве обменного товара. К ним относились олени, кабаны, леопарды, крупные ящерицы, буйволы, обезьяны, слоны, мангусты, виверры, игуаны, вараны, а также некоторые виды птиц. По данным середины XX в. для охоты на птиц и обезьян использовали еще один вариант лука — лук типа пращи. О нем упоминал первый советский посол в Шри Ланке Вл. Яковлев [Яковлев 1976: 191–192]. На одной из фотографий в книге воспоминаний советского дипломата видно, что вместо тетивы на лук натянут двойной шнур со вставленными по краям

штырьками, разъединяющими две нити шнура, а в середине шнура — кусок кожи. Обычно для стрельбы из такого лука употребляли камень.

Следует отметить, что *верды*, или *прибрежные ведды*, проживавшие на восточном побережье и занимавшиеся ловлей рыбы, хоть и не являлись жителями джунглей и охотниками, тем не менее употребляли лук, доставшийся им от предков, уже как орудие рыбной ловли. Они били рыбу с помощью традиционного веддского лука, но вместо стрелы использовали гарпун с раздвоенным железным наконечником [Кочнев 1978: 209]. В реках же рыбу также нередко ловили с помощью лука и стрел.

Отдельно от луков часто использовали и стрелы. Благодаря хорошо наточенным наконечникам их употребляли как режущее орудие, т.е. в качестве ножа, предмета, отсутствовавшего в снаряжении веддов.

По свидетельству многих наблюдателей, лук и стрелы (наряду с топориком и бетелевой сумкой) составляли необходимую часть снаряжения веддского мужчины за пределами жилого пространства. Ведда не расставался с луком даже на пороге собственного жилища, так как опасность могла прийти в любую минуту. В жилище — в пещерах, скальных навесах, шалашах, хижинах — для хранения луков и стрел отводилось специальное место. В период совместного проживания общины луки и стрелы всех ее мужчин находились вместе в наиболее удобном месте. На время хранения один конец тетивы спускали, при необходимости тетиву быстро натягивали, для этого ни особых усилий, ни времени не требовалось: мужчина изгибал лук, упираясь ногой в середину древка, и закреплял тетиву.

Лук и стрелы считались личной собственностью мужчины. Об этом свидетельствовали метки, которые непременно проставляли на оружии и по которым определяли владельца. Это было необходимо, например, во время охоты, так как добытым мясом распоряжался тот охотник, чей выстрел поразил животное. Кроме того, поскольку луки и стрелы все члены общины хранили в своеобразном «арсенале» — специально выделенном месте, была насущная необходимость быстрого вычленения своего оружия. Женщины не имели права даже прикасаться к этому оружию (кроме некоторых ритуальных моментов, о которых будет сказано ниже). Кража лука

и стрел приравнивалась к величайшему преступлению и оскорблению и сурово каралась.

В традиционном обществе веддов и отношение к этому оружию было особое. Это, безусловно, было связано с тем, что именно с его помощью добывалось основное пропитание для семьи и общины и обеспечивалось их благополучие и будущее. Владение луком, умение его изготовить относились к самым важным качествам мужчины. Каждый из них с детства стремился научиться стрелять из лука и стать лучшим стрелком. Первые лук и стрелы изготавливал для мальчика его отец или дядя, он же проводил обучение. Изготовление детских луков и стрел и обучение мальчиков с малолетства искусству изготовления и владения луком носило, несомненно, инициационный характер. Подростка, умение которого в области владения луком признавалось опытными охотниками, включали в охотничью группу. И в дальнейшей жизни умелое владение этим видом оружия отмечалось в общине и повышало статус мужчины.

На прекрасное владение веддами луком указывали и их соседи — сингалы и тамилы. В сингальских хрониках (по: [Dharmadasa 1990: 40]) веддов называют «охотниками с луком и стрелой». Не случайно, по-видимому, с начала VIII в. многие сингальские правители привлекали веддов на военную службу, по достоинству оценивая их искусство владения луком и считая их лучшими стрелками. Так, согласно сингальской хронике «Чулаванса», среди прочих народов и родов, из которых Гаджабаху II (1137–1153) формировал свою армию, упоминаются и «вьядхи». В XIII в. ведды составляли часть свиты царя Паракрамабаху II (1236–1270). Р. Нокс, использовавший при описании веддов не только собственные наблюдения, но и рассказы сингалов, отмечая лук и стрелы среди необходимых атрибутов «диких веддов», добавлял: «Они (ведды) очень ловко владеют своими луками» [Нокс 2007: 110]. Исследователи начала XX в. утверждали, что ведды великолепно стреляли с небольших расстояний, в то время как стрельба из луков по отдаленным мишеням не отличалась меткостью. Это было оправдано в условиях джунглей: больше шансов получить добычу было в том случае, если охотник неслышно подкрадывался к жертве и стрелял.

Особая значимость для веддов такого вида оружия, как лук и стрелы, проявлялась и в наделении их магическими свойствами,

и в использовании этого оружия в ритуалах жизненного цикла и религиозных обрядах. В народном сознании веддов лук и стрелы, особенно стрелы, осмыслялись как предмет, несущий как жизнь, так и смерть и, соответственно, символически соединяющий эти два понятия. Именно это делает логичным употребление лука и стрел или только стрел в переходных обрядах, связанных с идеей умирания и возникновения жизни, в ритуалах умилоствления духов предков, проводимых в случаях несчастий и обеспечивающих жизнеспособность общины.

В ряде такого рода обрядовых действий место «рабочих» стрел могли занимать ритуальные. Такие стрелы в культуре веддов носили название *ауде*. Они передавались из поколения в поколение, фигурировали в церемониях *Нае яку* — умилоствления духов умерших членов общины, в заклинаниях, обращенных к Канде яка и способствовавших удачной охоте, и по сути являлись символом общины. Ритуальные стрелы нередко отличались от рабочих. Наконечник такой стрелы был длиннее обычного, а длина древка короче, иногда древка и вовсе не было. Материалом для изготовления наконечника могли служить железо, камень или дерево. Древко ритуальной стрелы покрывали насечками.

В обрядах жизненного цикла использование лука и стрел нередко наряду с магическим имело и социальное значение. Например, известно, что при рождении младенца пуповину обрезали наконечником стрелы. В этом обычае обращались к охранительным, по традиционным представлениям, функциям стрелы, заключавшимся в сохранении жизни ребенка и матери, и в целом жизнеспособности всей общины, поскольку дети — это продолжение рода. Однако использование при обрезании пуповины стрелы, возможно, осмыслялось и как приобщение новорожденного к миру охотников.

Символическое приобщение ребенка к общине можно усмотреть и в другом обряде с использованием стрел, связанном с периодом младенчества. Около спящего ребенка по бокам от него втыкали/закапывали (иногда просто клали) в землю стрелы, как правило, стрелы *ауде*. При этом считалось, что младенца можно оставить без присмотра на долгое время. Ведды Нилгалы рассказывали супругам Ч. и Бр. Зелигманам, что не помнят случаев, чтобы ребенок, оставленный под охраной стрел, «был атакован диким зверем,

свиньей, леопардом, шакалом и прочими вредителями» [Seligmann 1911: 185]. Предполагалось, что поскольку стрелы связаны с духами предков общины, то эти общинные духи — Нае яку — и будут ребенка охранять. И таким образом, получается, что ребенок уже считался полноправным членом общины.

Использование лука и стрел во время свадебного обряда носило ритуально-знаковый характер. У веддов Данигалы молодой человек, выбрав себе невесту, дабы дать ей знать о своем намерении жениться, втыкал в землю около ее дома свою стрелу. На следующий день он вновь отправлялся к дому предполагаемой невесты, вызывал ее и просил прикоснуться к концу стрелы. Если она так делала, то это означало ее согласие выйти замуж за владельца стрелы, т.е. «сватовство» считалось состоявшимся [Priest 2004].

У веддов Бингоды существовал обычай, согласно которому молодой человек, переезжая в дом невесты (уксорилокальный брак), перед входом в помещение клал свой лук и стрелы на крышу хижины или оставлял их в специально отведенном месте вместе с луками и стрелами других мужчин семьи, на площадке под скальным навесом. Эти действия и свидетельствовали о создании новой семьи [Spittel 1927: 156]. В тех редких случаях, когда муж уводил жену с собой (при вирилокальном браке или при разделении общины на семьи), он должен был оставить отцу жены две стрелы «взамен» [Ibid.: 153].

Ведды никогда не оставляли лук со стрелами около покойника. Это можно объяснить и существовавшими до XX в. сложностями приобретения металла, и традиционными представлениями о вредоносном характере духа умершего. Наличие у него лука и стрел, по-видимому, по представлениям веддов, могло только увеличить его силу.

Одной из важных ритуальных церемоний веддов была церемония *кири-кораха* (букв. «горшок с молоком»), направленная на получение удачи в предстоящей охоте от Нае яку (категория духов умерших) или Канде яка (культурный герой-охотник, «Великий повелитель мертвых»). Среди сопроводительного инвентаря *капуралы*, человека, наделенного знаниями и возможностями общения с духами умерших, были стрелы *ауде*. Во время действия *капурала*, в тело которого «вошел» яка, этими стрелами совершал магиче-

ский акт убийства воображаемого животного с имитацией действий охотника. Рихард Шпиттель, наблюдавший в 1920-е годы этот обряд, так описывал действия *кануралы*: «...описывая полукружия шаркающими ногами, (ведда) в то же самое время то раскручивал наконечник между пальцев, то брал его на плечо, как ружье» [Spittel 1927: 43]. По мнению Ч. и Бр. Зелигманнов, одна из стрел *ауде* в этой церемонии ассоциировалась веддами с образом Канде яка, другая — с Билинди яка, а третья — с Нае яка [Seligmann 1911: 187]. В конце XX в. в церемонии *кири-кораха* стрелы *ауде* были заменены на обычные стрелы.

Схематичное изображение лука можно встретить и в виде знака собственности, используемого веддами для обозначения границ территорий отдельных локальных групп, или общин. Их вырезали на деревьях или других заметных природных объектах.

В начале XX в. у веддов были зафиксированы единичные мифологизированные рассказы, объясняющие внешний вид и форму предмета, и касались они их главного оружия — лука. Старики рассказывали, что лук был изобретен после того, как появилась радуга.

В традиционных представлениях веддов лук и стрелы непременно входили в снаряжение культурных героев — повелителя мертвых Канде яка и др. Их почитали как великих охотников, каковыми, по легендам, они и являлись при жизни. Природа этих духов доброжелательна по отношению к людям. У веддов Бингоды одним из наиболее сильных яка считался Балагала яка. Его величественный образ подчеркивали и размеры сопроводительного оружия, о чем говорилось в сказаниях местных веддов: «Балагала яка, чьи руки были подобны деревьям, а лук в обхвате — с человеческое бедро и чья стрела могла пробить что угодно...» [Spittel 1927: 155].

В первой трети XX в. лук и стрелы, как основное оружие охоты, во многих общинах веддов были вытеснены ружьем. Так, ведды Бингоды, по свидетельству Р. Шпиттеля, в 1920-е годы предпочитали охотиться с ружьем, не забывая, однако, про лук и стрелы: «(Они) любят ружья, а лук и стрелы используют крайне неохотно» [Spittel 1927: 151]. В 1940-е годы, как утверждал шотландский антрополог У. Осман Хилл, лук и стрелы снова заняли прежнее место в культуре и быту веддов, но исключительно как «музейные экспо-

наты» (по: [Кочнев 1978: 208]). Ведды с удовольствием и гордостью демонстрировали эти предметы «в действии», но охотились с их помощью уже редко.

Другим неизменным предметом снаряжения ведды-охотника был топорик (*gal Rakki*). Практически все исследователи культуры веддов указывали, что этот топорик был особой формы и отличался легкостью. Размеры топорика — деревянной рукояти — не превышали 50–60 см. Для изготовления основной части топора использовали железо, которое, вероятно, также в прежние времена получали от сингалов, известны и топоры из камня. Топорик имел прямоугольную форму и проушину для рукояти. Как правило, это орудие носили на плече, отсюда и его название — «лежащий на плече». По литературным данным известно, что иногда, например во время охоты, его затыкали сбоку за пояс.

Топорик являлся универсальным инструментом веддов. Для охотника, находившегося в джунглях, он был необходимым орудием для разделывания туши убитого животного. Способность хорошо и быстро владеть топориком ценилась среди веддов. При охоте на обезьян ведды обухом топорика стучали по стволу дерева, в кронах которого пряталось животное, чтобы вынудить его проявить себя и тем самым открыться перед охотником. Стук пугал обезьян, и они вскрикивали, что и позволяло обнаружить их в густой листве.

В некоторых случаях топорик служил оружием, незаменимым в борьбе с самыми крупными животными джунглей — медведем и слоном. Медведь считался одним из наиболее опасных для человека диких зверей. Особенно страшен *рахувеласа* — медведя, который ищет встречи с человеком сам и всегда нападает первым. Спасти охотника могло только его умение вовремя, пока медведь не поднялся на задние лапы, ударить животное топориком по голове. Топорик использовали и при охоте на самого крупного животного лесных джунглей Шри Ланки — слона. Согласно записям Р. Нокса, ведды в отличие от сингалов, у которых была распространена загонная охота на слонов, охотились на это животное в одиночку. Охоту на слона Р. Нокс описывал так: «Когда Слон лежит спящим, они втыкают ему в подошву свой топор, и, сделав его хромым, подчиняют его себе» [Нокс 2007: 66].

Еще одна важная функция топорика состояла в том, что с его помощью добывали соты с диким медом, а бортничество, как известно, относилось к главным занятиям веддов. И в этом случае ловкость владения топориком характеризовала мужчину с лучшей стороны, повышала его статус и авторитет среди соплеменников. Ведь для того, чтобы высечь соты с медом, нужно было закрепить на дереве или на скальном отвесе лестницу, по ней подобраться к дуплу, и, практически повиснув на лестнице, быстро вырезать топориком соты, чтобы избежать нападения диких пчел (хотя в качестве защиты от пчел ведды использовали окуривание и травяные мази для отбивания запаха). Мотив трудности добывания меда и сюжеты с трагическими случаями гибели сборщиков меда были характерны для фольклорных произведений веддов Увы [Кочнев 1978: 218].

Топорик в отличие от лука и стрел было принято оставлять рядом с телом умершего. Некоторое имущество покойного, в том числе и топорик, находилось рядом с ним временно, что было связано с представлением о власти яка умершего над его вещами и страхом живых приблизиться к ним. Затем топорик умершего, как и другой инвентарь и предметы быта, переносили в место, расположенное недалеко от жилья, и оставляли там на 10–30 дней, считая, что за это время вещи «очищаются», освобождаются от влияния духа умершего. По прошествии указанного срока топорик переходил в пользование ближайшего родственника по мужской линии — племянника или зятя (в условиях кросскузенного брака, распространенного у веддов, зять и племянник — одно и то же лицо). Традиция временного оставления топорика рядом с покойником и дальнейшего его «очищения» фиксировалась до середины XX в. Во второй половине XX в. во многих общинах веддов топорик, как и другие личные вещи, оставляли рядом с умершим, полагая, что духу умершего не понравится, если он увидит свои орудия в чужих руках: он разгневется, что принесет несчастье.

В начале XXI в. лук, стрелы и топорик продолжают оставаться основными составляющими снаряжения мужчин народа ланкийских джунглей, став главными его атрибутами и символами. И это несмотря на то, что охота уже давно перестала быть основным средством для существования веддов, как и собирательством дикого меда заниматься перестали, поскольку стали разводить пчел.

Современные туристы, посещая места проживания веддов, например поселения Дамбаны, обязательно увидят лук, стрелы и топорик. Лук и стрелы нередко лежат на циновках рядом с товарами, предлагаемыми для продажи. И в любой момент продавец может «превратиться» в великолепного стрелка. Ведды так же ловко, как, вероятно, много лет и веков назад, обращаются с луком. И мальчики, и молодые мужчины, и старики все так же гордятся своими умениями и готовы продемонстрировать их по первому требованию. Гостям поселения, как сингалам, так и иностранцам, детям и взрослым даже верховный вождь всех веддов Урувариге Ваннилаэтто показывает, как его предки делали луки и как стреляли из них.

Современные ведды постоянно носят при себе и топорик, все так же вешая его то на правое, то на левое плечо. В таком виде они предстают перед объективами фотокамер туристов.

Похожую картину театрализации традиционного образа жизни лесного народа описывал еще в 1940 г. У. Осман Хилл, называя лук и стрелы лишь «музейными экспонатами» [Кочнев 1978: 208].

Но, по-видимому, лук со стрелами и топорик продолжают оставаться весьма важными и значимыми для каждого ведды и для всего народа. Как ни странно, владение луком и стрелами и в настоящее время связывают с жизнеспособностью общины, но только в другом смысле. За свое стрелковое искусство ведды получают деньги, которые идут на поддержание жизни, а также способствуют сохранению тех традиций, которыми славится этот лесной народ и которые пользуются популярностью среди приезжих. Лук, стрелы и топорик, так же, как и некоторые ритуалы (например, церемония *кири-кораха*, направленная на получение удачи на охоте), может быть, и стали в современной жизни большинства веддов «неуместными» (так как часть веддов уже не охотится), тем не менее в некоторых группах веддов их все же продолжают считать обеспечивающими жизнеспособность человека и народа. Эти предметы заставляют почувствовать связь с предками, между поколениями, ощутить необходимость передачи своих умений молодому поколению, считая, что это, возможно, так же, как когда-то их предкам, обеспечит им удачу и процветание. По свидетельству современных исследователей и людей, интересующихся судьбой жителей ланкийских джунг-

лей, ведды с грустью расстаются со своими обычаями и стараются использовать все возможности, чтобы сохранить их.

Библиография

Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-восточной Азии. М., 1971.

Краснодембский В.Е. Ведда // Труды архива востоковедов ИВР РАН. Вып. 1. М., 2011. С. 204–216.

Кочнев В.И. Ведды // Малые народы Южной Азии. М., 1978. С. 196–219.

Макош У. Шри Ланка. М., 1974.

Нокс Р. Историческая повесть о Цейлоне. XVII век. СПб., 2007.

Яковлев В.Г. Легенды и жизнь острова Ланка. М., 1976.

Dharmadasa K.N.O. Veddas in the history of Sri Lanka: An Introductory Sketch // The Vanishing aborigines. Sri Lanka's Veddas in Transition. New Delhi, 1990.

Priest J. Guardians of the Red Earth. An American anthropologist among the Danigala Veddas / Sri Lanka's forest-dwellers the Veddas or Wanniyalaeto // The Sunday Times (Colombo), 10 October 2004. <www.vedda.org/priest.htm> (дата обращения 24.02.2013).

Seligmann C.G. and Br.Z. The Veddas. Cambridge, 1911.

Spittel R.L. Wild Ceylon. Describing in Particular the Lives of The Present Day Veddas. Colombo, 1927.